

и саларскимъ населеніемъ. По дорогѣ, въ Ча-коу-и повстанцы осадили маленькое китайское укрѣпленіе, въ которомъ укрывался ду-сы съ тридцатью солдатами. Дунгане потребовали сдачи, но китайцы заперлись и попрятались; тогда магометане сожгли ворота и, занявъ цитадель, произвели поголовное избіеніе, за исключеніемъ самого ду-сы и его молоденькихъ дочерей, которыхъ побѣдители взяли себѣ въ жены. Ду-сы счастливо спасся благодаря находчивости преданнаго ему солдата-дунганина, выпачкавшего кровью лицо и одежду начальника и въ такомъ видѣ выведшаго его за крѣпость, послѣ чего китайскій офицеръ незамѣтно бѣжалъ.

Указывали намъ между прочимъ и на такія селенія, гдѣ раньше проживали молодцоватые и сильные китайцы, представлявшіе по характеру и внѣшности противоположность собратамъ. Ловкіе охотники и мѣткіе стрѣлки они постоянно разбѣзжали въ окрестныхъ горахъ, въ поискахъ за звѣрями. Эти китайцы съумѣли отстаивать свои права при столкновеніяхъ съ дунганями, которые впрочемъ ихъ мало и беспокоили. По уходѣ же чагрынскихъ дунганъ къ саларамъ, оставшіеся сосѣди ихъ стали нападать на свои же отряды солдатъ и безнаказанно бить и грабить ихъ. На предупрежденіе властей оставить эту дерзость, храбрецы-китайцы не унимались; тогда разсерженный генераль-губернаторъ провинціи Гань-су приказалъ значительному отряду войскъ „смести съ лица земли этихъ степныхъ разбойниковъ“.

Нынѣ, проѣзжая въ средней части описываемаго плато, мы встрѣтили оригинальныхъ тангутовъ, кочевавшихъ у окраинъ горъ и жившихъ по-монгольски, въ отличныхъ войлочныхъ юртахъ. Въ одной изъ такихъ юртъ, стоявшихъ подлѣ дороги, я съ моимъ спутникомъ Бадмажаповымъ былъ гостепріимно принятъ пожилой, богатой тангуткой, одѣтой на половину по-китайски, на половину по-тангутски и свободно владѣвшей этими двумя языками.

Второй ночлегъ въ Чагрынской степи мы имѣли подлѣ ничтожнаго городишки Сунъ-шань-чена, имѣвшаго тѣмъ не менѣе два ряда крѣпостныхъ глинобитныхъ стѣнъ, помѣщавшихся одна внутри другой. Между наружной и внутренней стѣнами въ полномъ смыслѣ прозябало около двадцати семействъ пастуховъ, пасшихъ купеческія стада барановъ на прекрасныхъ окрестныхъ пастбищахъ. За двумя же стѣнами запрятался начальникъ „города“ съ гарнизономъ въ семь человѣкъ солдатъ, вооруженныхъ кажется пистонными ружьями. Исторія возведенія наружной стѣны приписывается желанію богдо-